

Путешествия. Яхтинг. Спорт

Иван Муравьев

Морские истории

«Горизонт»

2015

Муравьёв И. В.

Морские истории / И. В. Муравьёв — «Горизонт»,
2015 — (Путешествия. Яхтинг. Спорт)

Случалось ли вам, читатель, проснуться в каюте, настолько тесной, что колени упрутся в подлок, где снаружи за тонким бортом плещет вода, и всё ваше узенькое ложе кренит и покачивается? Солнечный луч проник в иллюминатор и бродит по каютке, снаружи доносится неясный шум города, в небе кричат ласточки и тихонько посвистывает ветер в снастях. Это утро – твоё, целиком, безраздельно, а потом будет день, тоже твой, и еще дни, наедине с ветром и морем. В парусном отдыхе много таких вот удивительно ясных минут. Мы настолько уверены в их безусловности, что не задумываясь тащим с собой на яхту детей, друзей, коллег – всех, до кого можем дотянуться, чтобы они имели свой шанс постигнуть однажды таким вот солнечным утром чувство полнейшей свободы. И нам кажется, что это очень просто. Собрать друзей и любимых, набросать маршрут, договориться с агентом о яхте. Потом, в один прекрасный день, поставить паруса и выйти в море. Как когда-то аргонавты, и как герои этой книги. Что ждёт вас в море? Как и в те времена – радость открытия, радость познания мира, людей, себя. Стихия, когда – ласковая, когда – беспощадная. Согласен, бывает трудно. Но всё это, понимаешь ты, всё, сразу оказывается отброшено и забыто, стоит только однажды на рассвете увидеть на горизонте полоску ранее не виданной земли.

© Муравьёв И. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Шесть индусов в одной лодке	5
Часть 1	5
Часть 2	6
Часть 3	7
Часть 4	8
Часть 5	9
Часть 6	10
Часть 7	11
Регата!	12
День первый:	13
День третий:	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иван Муравьев

Морские Истории

Шесть индусов в одной лодке

Микрופовесть в семи частях

Часть 1

Парус из салфетки

Был прекрасный день... нет, не так. Был невыносимо жаркий день в пригороде Шарлотты, что в Северной Каролине, когда плавится асфальт, воздух над ним дрожит раскалённым маревом, птицы прячутся в тень, и только неугомонные цикады звенят в кронах деревьев. В самый полдень, когда нормальные офисные работники носу не кажут из кондиционированных офисов, я сидел под навесом в летней столовой и смотрел фотографии весенней регаты. Синее море, белые паруса, азарт гонки и брызги волн – кажется, что в душном воздухе повеяло морской солью. И, похоже, не один я это услышал.

– Привет, Иван, ты не занят?

– Нет. Вот, фотки смотрю. Ты подсаживайся!

Шрини – истинный ариец. Самый настоящий, из Арьяваты. Сухой, остроносый, жилистый. Точен и пунктуален настолько, что с непривычки ввергает в испуг. Мы, впрочем, уже привыкли. Очень лёгок на подъём – я его уже звал однажды походить со мной под парусом. На Рождество, в Сан-Францисской бухте. Хорошо, что он не смог – в тот день дуло за шесть баллов с порывчиками, а под знаменитым мостом вообще свистело, как в трубе. Но тогда он, по своему обычаю, подготовился и теперь фотки рассматривает осмысленно. Задаёт вопросы, я отвечаю, на бумажной салфетке раскладываем по векторам движущую силу ветра, я увлекаюсь, рассказывая о штормах и приливах, и в какой-то момент с удивлением замечаю, что нас за столом уже четверо. Все наши, кто был на проекте, сидят вокруг, внимательно слушают и смотрят на схемы.

– Ты не отвлекайся, ты продолжай! – говорит Суданш – Нам всем очень интересно, я, например, уже согласен.

Вот так схема, нарисованная на бумажной салфетке, стала тем, что один пилот когда-то назвал рисунком № 1. И нам четверым уже легко было говорить «об удавах, и о джунглях, и о звёздах». В отличие от остальных, благоразумно просидевших в офисе в тот жаркий день.

Часть 2

О разных точках зрения

До конца недели идея похода успела обрасти деталями. Мы составили план, по дням и островам, с точным временем на каждый переход (а что вы хотите, Шрини иначе не может!). Я читал и слышал в отдалении гулкий смех дядьки Посейдона, большого любителя такого рода пунктуальностей. По крайней мере, было ясно, куда и зачем мы идем, чего стоит ждать и к чему готовиться. Это я так, в наивности своей, полагал.

Немного смущало отсутствие опыта: все мои компаньоны никогда не ходили под парусом и двое даже ни разу не были в море. Это вообще типично для детей индийского среднего класса: с детства их готовят к избранной специальности, за недостатком времени и денег отменяя «не нужное в жизни», такое как спорт и плавание. Срочно надо было найти хотя бы одного опытного матроса, о большем я уже и не мечтал. К моей радости, нашелся в нашей рабочей группе один индус, Шаши, который по его словам много ходил под парусом, в основном, по озёрам, но это даже потруднее, чем в морях. Я пригласил его в команду, он согласился и дальнейшие планы мы обсуждали с ним вдвоём.

Теперь каждый день я находил в почтовом ящике письмо, а то и два, с просьбой принять в команду. Через неделю, когда в списке кандидатов было восемнадцать человек, я понял, что ситуация вышла из-под контроля. При взгляде на список у меня холодело внутри: я повидал этих людей в разных ситуациях, и при всех их достоинствах, некоторых просто не представлял на швартовке, на камбузе или на кокпите в волнение. Я поделился опасениями с Шаши, он сказал, что мы возьмём всех(!), просто яхта нужна побольше. «Насколько больше?» – он отвечал, что берёт всё на себя.

После этих слов я преисполнился уважения к такому бывалому марсофлоту. Я сам был не настолько крут, чтобы шкиперить что-то больше сорока футов, а в словах Шаши чувствовался опыт. Я с нетерпением ждал его выбора, мне рисовались огромные катамараны, на которых можно путешествовать ввосьмнадцатером, океанские яхты и прочие длинномеры. Каково же было мое удивление, когда я открыл посланный Шаши линк и обнаружил на странице что-то калошеобразное.

– Это что? – спросил я.

– Это – отвечал он с гордостью – парусник. Средиземноморский, называется «гулета». Мы все там уместимся, в нём тринадцать кают! Вот эти занимаем мы, а здесь будет команда.

– Какая еще команда? – я начал что-то подозревать.

– Обычная, парусная. А еще стюард и кок.

Тут я понял, что идею отдыха под парусом мы понимаем слегка по-разному. Оказалось, что все путешествия по озёрам Шаши проделал в качестве пассажира на таком вот паруснике. Естественно, все манёвры он только наблюдал с борта, и ни разу не держал в руках штурвала, не говоря уже о линиях и швабре. Да и кто бы ему дал? Вот так и рушатся надежды.

Пришлось мне отписывать всем в списке кандидатов, что им самим, с достаточно большой вероятностью, придется вязать кранцы, ставить и убирать паруса, а кроме того (сугубо по желанию, но всё же) стоять у плиты на камбузе, так как специалистов-коков по индийской кухне мы вряд ли найдём. Ну и драить палубу, квантум сатис.

Подумав, я еще напомнил, что на море бывает волна, в которую иногда придется спать. Прямо так, на якоре. Через день в списке осталось восемь человек. Среди прочих отсеялся незадачливый Шаши, и еще несколько хороших ребят отказались из-за морской болезни.

Часть 3

«В моём романе не будет ни одной юбки!»

Итак, нас осталось восемь: ваш покорный слуга, шесть индусов и одна индийская же девушка. Во всей команде я один имел какой-то опыт, ещё трое бывали в море (пассажирами), и умели плавать целых пять человек. Мы собирались пройти, согласно утвержденному маршруту, сто восемьдесят миль, побывать в пяти маринах (а это минимум пять швартовок), и одну ночь провести на якорной стоянке... Вам уже смешно, дорогой читатель?

«Ничего-ничего» – уговаривал я свою паранюю – «вот у Джерома Джерома, к примеру, офисные хомячки из Сити знают себе гребут по Темзе по двадцать миль в сутки. И бечевой идут, и шлюзуются, и всё им в кайф!»

Паранюя мне цитировала на память строки об ирландском рагу и разыгрывала в лицах бессмертное: «Нос, смотрите, ваш нос!» – «Харрис, у меня на носу что-нибудь есть?» В общем, тут было о чём подумать.

В конце концов я решил, что без приглашённого шкипера не обойтись. В этом качестве был взят один знакомый, который вообще ничего не боялся, ни толпы чайников на борту, ни даже своего «инглиш» как средства общения. Зато у нас с ним был общий русский, а насчет разговора с командой, я возлагал большие надежды на учёбу методом погружения. Дальнейшие события показали, что погружение сработало на всех, и в итоге к концу путешествия мы изъяснялись на непредставимой смеси наречий, этаком попури из английского, греческого и хинди с лёгкой примесью русского боцманского.

«Как же так?» – спросит внимательный читатель – «Боцманский, при даме?» Может быть, она повлияла бы на нас в лучшую сторону и мы стали бы учтивыми и галантными, но, увы – именно такой вопрос задали себе, а потом и друг другу, еще до начала похода Родственники Бедной Девушки.

«О, ужас!» – подумали они – «Наша дочь (племянница, внучка) – одна, в компании неотёсанных мужчин! Они научат её пить водку, ругаться СЛОВАМИ!» То, что она уже была в компании с нами на многих проектах, что участвовала во всяческих посиделках и ничего с ней не случилось – это, конечно, не довод. То, что все мы уже женаты – само собой, не аргумент. Как известно всем, девушке в окружении архитекторов ничего не грозит, а вот в окружении МАТРОСОВ – пусть это одни и те же люди – ужас, ужас, ужас!

Что ж, мы утешились сакраментальным «фройляйн на корабле – плохой примета». Зато ничто больше не мешало нам пить водку, ругаться словами и... нет, к девушкам мы не приставали, потому что мы, всё-таки, были женатыми, а некоторые даже не по одному разу.

Часть 4

Сборы в дорогу

О, как волнуют сердце дорожные сборы, иногда не меньше, чем само путешествие! Твой путь еще предстоит, он лежит в будущем, непройденный, манящий, а ты собираешь себя в дорогу, заранее предвосхищая события и готовясь к ним. Охотник и тангера, пилот и дайвер – когда они готовятся в путь, один и тот же огонь горит у них в глазах. Они знают цель, они идут к ней, готовясь встретить ее во всеоружии.

... Фильтры, широкоугольник, телевик...

... Две обоймы, накидка, вибрамы...

... Колье, туфельки, перцовый спрей...

Не случайно такие великие путешественники, как Джонатан Свифт и Карл Май, посвящали дорожным сборам своих героев не менее четырех страниц. Я не претендую на их лавры, и всё-таки...

Мы в команде привыкли странствовать, это – часть нашей работы. Нам легко одну неделю провести в Денвере, а потом лететь в Тулон. Мы работаем вместе, звоним, переписываемся, но видимся вживую только в залах ожидания, если пересекаются рейсы, да еще сдавая друг другу проекты. Поэтому столь многие обрадовались идее провести неделю вместе. Как цинично, но верно, сказала одна молодая особа: «Вы просто на работе друг другу не надоели».

Где еще мы можем показать другим свои таланты, как не здесь, где море, простор и свобода? Играешь на флейте – возьми с собой флейту, любишь готовить – будь коком, еще и других научи. Ждешь практики в яхтинге – перчатки на руки, и вперед! Хочешь быть в команде казначеем? Что, действительно хочешь? Феноменально!

Коками вызвались быть двое. Это хорошо, в походе всегда нужна смена. Остальных тоже предупредил, что будут на подхвате. Коки, посоветовавшись между собой, выкатили список необходимого из девятиности шести пунктов. Одного только риса заказали восемнадцать килограмм, плюс шесть кур. Остальная часть списка дешифровке не поддавалась. «Тёртый амчур, аджвайн или каром, хинг... Асафетида! (какая угодно, только не красная!!)». Шкипер уверил меня, что «в Греции всё есть». Я спросил про асафетиду (обязательно не красную) – он ушел посоветоваться с женой и исчез из сети надолго. Коки тем временем всё поняли и сказали, что пряности возьмут с собой. Я представил себе ужас аэропортовой наркополиции при виде множества разноцветных ароматных пакетиков в сумке, и посоветовал им купить что можно на месте. Они в свою очередь заверили меня, что не мальчишки, что всё будет подробно задекларировано и тщательно спрятано.

Забегая вперед, скажу, что им удалось всё привезти. Специи всю неделю приятно разнообразили наши блюда, а также рассыпались при качке и летали тонкой взвесью по салону, отчего вся яхта пропахла ими как индийская лавка пряностей. Еще долго после нашего чартера потенциальные клиенты, заходя на яхту, загадочно принимались и просили кальян.

Часть 5

Мы прилетим!

- Алё! Аллё! Иван, это я!
- Ты где, Сатьян? Билет купил? Когда прилетаешь?
- Иван, я в Дели! Сажу в посольстве! Мне визу не выдают!

Представляете, каково такое услышать? В три часа ночи! Перед чартером!! И для этих людей я старался?! Расписывал что брать и что не брать, составлял планы, посылал залог за яхту... Каждый день рассылал по письму: «Не соблаговолит ли Многоуважаемый отодрать-таки [нрзб] от кресла и послать, наконец, документы в посольство». ПОЛТОРА МЕСЯЦА ПОДРЯД!!!

Кажется, я ему что-то сказал. Посоветовал куда-то пойти, и чтобы с ним там что-то сделали. Честно, не помню – я был сонный и взбешенный, только прилетевший с проекта и слегка не в себе после долгого рейса. После чего бросил трубку и рухнул спать. До пяти утра оставалось всего ничего.

Аэропорт встретил меня необычной тишиной. За конторкой регистрации пассажиров скучала одинокая девушка, которая и объяснила мне, что рейс откладывается на неопределённое время из-за забастовки в Афинах. Конечно, про забастовки и протесты я и слышал, и смотрел по телевизору, но шкипер авторитетно заявлял, что «Все беспорядки происходят на площади Синтагма» и «В субботу греки не бастуют. Они смотрят футбол».

В пустом зале ожидания у огромного, во всю стену, окна дремал Рави (тот самый казначей-доброволец), сложившись на узкой сидухе вчетверо. Я опустился рядом и только хотел вздремнуть, как телефон, заранее вывернутый на полную громкость, заголосил сумасшедшим набатом. От дикого трезвона проснулся Рави, и даже привычные к рёву двигателей голуби за окном ссыпались с карниза. Звонил всё тот же Сатьян.

– Спасибо, Иван – кричал он на весь зал ожидания – Я сделал всё, как ты сказал. Всё получилось, визу дают, мы с Суданшем прилетаем завтра!

Хорошие новости... только я по-прежнему не помнил, в чём заключался мой совет.

Потом объявили посадку, но сразу же отменили, и мы продолжили ждать. Я принимал звонки ото всей команды, мы все, казалось, зависли в воздухе. Франкфурт-Афины – отменён, Майк срочно меняет билеты на Лондон. Дубай-Афины, отменён – но есть прямой рейс из Дели. Наконец нас пригласили на посадку. Ремни застегнулись, двигатели взревели, рейс начался.

В гудящем людьми аэропорту им. Венизелоса я рассмотрел-таки забастовщиков. Люди в аэропортовской униформе сидели вокруг стола, на котором были живописно расставлены стаканчики с кофе, банки с фисташками и телевизор с традиционным футболом. Им было хорошо. «Если Партия велит, они так и неделю пробастуют» – подумал я.

Часть 6

А эти мажоры на «Кон-Тики»...

Мы приезжали в марину, поодиночке и группами. Мы оставили за спиной дела, офисы и тысячи миль морозной синевы стратосферы. Мы сменили клевер и вереск Лондона, полынь Техаса, магнолии и смог Бангалора на кипарисово-пряный воздух Греции. Наши часы показывали какое угодно время, но это было уже неважно. Подготовка к отплытию захватила нас целиком.

Перед отплытием каждому находится дело. Коки проводят время в магазинах, в попытках разобраться, чем загадочное «неро» отличается от не менее загадочной «раки». Казначей заполняет бумаги в пластиково-реечном «офисе» чартерной компании, и сердце его разрывается между страховым залогом и возможным ущербом. Будущие матросы вытаскивают шмотки из чемоданов (а ведь говорили им, берите сумки!) и уже выучили шикарное греческое слово на букву «М», которым, похоже, обозначается здесь любой вид деятельности. Покорный ваш слуга идёт принимать яхту.

Представитель чартерной компании обрадовался мне как родному брату и объявил, что лодочка наша уже вымыта, вычищена и ждёт у второго пирса. Оставив вещи в офисе и взяв только документы, я пошел (а хотелось бы побегать!) искать её. Уже конец сезона, но яхты всё еще стоят у пирса вплотную, касаясь друг друга бортами. От обилия звуков и запахов кружится голова. На яхтах работают люди. Вот эти, белокожие и неловкие – идут в чартер, эти, загорелые и охрипшие – возвращаются.

Где же, всё-таки, наша яхта? Неужели я её пропустил? Попробуем еще раз. Катамаран... не наш... узкий длинный полугоночник... какая-то драная лайба... мотояхта... – что-то не видно нашей лодочки. Постой-постой, неужели... Нет, не может быть!

Увы, зрение не обманывало меня. На корме лайбы, полустёршееся, но различимое, виднелось гордое имя владельца (он все свои яхты называл по-скромному, в честь себя, снабжая только порядковым номером). И за это убожество мы платили??? Оказавшийся рядом шкипер тоже в недоумении. Он знал и господина судовладельца, и его нежелание вкладываться в ремонт, но то, что мы видели, по его мнению, было уже чересчур. Тут же был отловлен и привлечён представитель чартерной компании, но он только развёл руками: все лодки в разгоне, заменить нечем. Буква договора выполнена, все судовые части в порядке.

Что оставалось делать? В присутствии достопочтенного г-на Судовладельца принялись составлять акт, не спеша обползая лодочку от носа до кормы и аккуратно отмечая всё, что на ней было потёрто, поломано и отвинчено. На пятьдесят седьмом замеченном дефекте он зарычал, проклял всё, схватил ящик с инструментами и с грохотом низринул в салон чинить неполадки. Я тем временем продолжил осмотр, громко зачитывая новые записи и слыша в ответ из салона бряканье ключей и рычание судовладельца.

Постепенно начали собираться наши. Опасливо пробуя ногой тоненькую доску сходен, шли на борт, перегружали свои вещи и добычу коков из машины. Как обычно, в салоне и на кокпите выросла гора из вещей и припасов, и даже не верилось, что всё это без следа рассеется по рундукам и каютам. Тут же начали собирать на стол, открыли по бытылочке «неро» и «раки» (надо же понять, чем они отличаются!). Под шумок исчез судовладелец, оставив нам, как потом выяснилось, ящик с инструментами и непочиненный галюн.

Под руководством шкипера все концы и шкоты, заскорузлые от морской воды, тщательно мылись из шланга. Текущие иллюминаторы заклеивались монтажной лентой (настоящей, из Техаса). Старая лайба приобретала мореходный вид. Еще чуть-чуть, и можно будет завести дизель, отдать кормовые и превратиться из живых – в плывущих по волнам.

Часть 7

Введение в аргонавтику

Случалось ли вам, читатель, проснуться в каюте, настолько тесной, что колени упираются в подволок, где снаружи за тонким бортом плещет вода, и всё ваше узенькое ложе кренит и покачивается? Солнечный луч проник в иллюминатор и бродит по каютке, снаружи доносится неясный шум города, в небе кричат ласточки и тихонько посвистывает ветер в снастях. Это утро – твоё, целиком, безраздельно, а потом будет день, тоже твой, и еще дни, наедине с ветром и морем. В парусном отдыхе много таких вот удивительно ясных минут. Мы настолько уверены в их безусловности, что не задумываясь тащим с собой на яхту детей, друзей, коллег – всех, до кого можем дотянуться, чтобы они имели свой шанс постигнуть однажды таким вот солнечным утром чувство полнейшей свободы.

Путешествие на яхте – свобода всегда. Ты не связан дорогой и расписанием, можешь сменить маршрут, остановиться в уютной бухточке на якоре, а потом плыть дальше. Можно выбрать дальнюю цель и идти к ней два дня подряд, сменяя вахты, а можно остаться на несколько дней в полюбившемся месте. Один раз в Кипарисси шкипер получил СМС-ку от двух человек команды, одну на двоих: «Отправляйтесь без нас, заберёте на обратном пути».

Чтобы уравновесить свободу, нужна цель. Для того и придуманы регаты, походы на дальний красивый остров Санторини, или, например, за золотым руном. Ведь классика греческой мифологии как раз об этом: собрались уважающие друг дружку коллеги, по профессии герои, сели на корабль и поплыли. И, наверное, просоленный мореман Лаэрт показывал сухопутному Гераклу как вяжется беседочный узел и следил, чтобы не зарывали в воду вёсла.

Припасы уложены, вода в танках залита под пробку, баллоны заправлены газом. Больных и увечных в экипаже нет. Рави вчера утопил в бухте свой смартфон – дядька Посейдон будет доволен такой жертвой. Паруса вчера проверены: не бог весть что, но на чартер хватит. Мы готовы в путь, можно помаленечку согреть кофе, завести дизель – и трогаться.

Мы выйдем в море, нас подхватят обещанные с вечера шесть баллов, и пойдут раскачивать, брызгать пеной и обдавать волнами, а индусы на носу, вцепившись в леера, будут петь песни и улюлюкать, ошалев от простора. Коки постигнут высокое искусство баланса со сковородкой и сжуют весь драммин, занюхивая асафетидой. Будет и купание в тихих бухточках, добровольное и не очень, и попытка бунта на корабле, когда на швартовке не найдется места. Я войду на покинутую яхту, и спою в амфитеатре Эпидавроса, и чуть не сорву спину, подтягивая в одиночку сорокафутовик против ветра. Народ будет гонять на скутерах по Поросу в бангалорском стиле (это когда разметка и знаки неразличимы из-за скорости) и вести философские беседы на вершине утёса. А потом мы безупречно отчалим от набережной в Поросе (ты поймёшь меня, Лаэрт!) и возьмём курс на Афины. Через шесть баллов, ночью, под парусом, нам будет легко и спокойно. На штурвал встанет Рави, а звёзд будет столько, сколько в Лондоне не видали лет триста.

Мне тогдашнему это всё неизвестно. Я слегка волнуюсь за своих индусов, как они включатся в наш анабазис? Понять это можно одним единственным способом: одеться, выйти наружу и начать готовиться к отплытию. Сегодня мы выходим в море.

Регата!

Путевые заметки

В полдень наш парусник бросил якорь в гавани старого генуэзского порта Монемвассия, в виду предмостных укреплений острова. Как хорошо снова ощутить под ногами твердую землю! Команда переодевалась, собираясь в город. Дразнящие запахи из таверн заставляли торопиться даже самых медлительных, тем более, что от загарпуненной сегодня утром мурены каждому достался совсем небольшой кусок...

Кто читал подобное в детстве, меня поймет. Кто может такое написать по собственному опыту, поймет еще больше. Море, поющие под ветром снасти, парус, древние города. Что может быть лучше? До недавнего времени и я так думал. Теперь узнал, что лучше – бывает, и называется это – регата. Она отличается от одиночного круиза или чартера примерно так же, как он сам – от водного велосипеда на озере в парке. Отличие это неожиданно и парадоксально.

Обычная наша жизнь легка и не затруднительна, даже на яхте. Ветер стих – и мы заводим дизель, никогда не узнав отчаянья от штиля. Дождь на маршруте – мы идем в ближайшую гавань пить пиво. Легкая поломка – и мы уже готовы вернуться. Нам нужны трудности, чтобы испытать радость преодоления.

«Хотели трудностей? – их есть у меня!» – радовался дядька Посейдон, рассыпая сюрпризы щедрой рукой по двум заливам – «Идите, сухопутные, не пожалеете!» И мы не жалели.

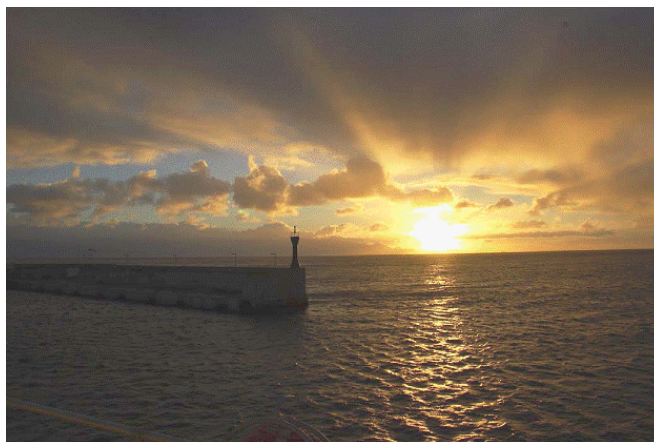
День первый: Кто там хотел дождь?

«Это не погода, это [beer] знает что» – ворчит шкип, и я подписываюсь под каждым его эпитетом. Время шесть утра. Где-то наверху, за толстым слоем облаков, уже светает, а здесь – темень, дождь, и в паре миль от нас невидимый вход в гавань Леонидии. Маяка не видно, земли не видно. Воистину, [beer]. Только посверкивают сквозь тьму ходовые огни идущих параллельным курсом яхт, таких же, как мы, фанатиков. Дождь теплый, и это хорошо. Еще милю помокли – как занавес раздвинулся. Туча осталась в море, а перед нами – темные горы, полоска огней вдоль берега, и самым левым – зеленый огонь маяка. «Маяк слева, заходим между ним и берегом» – бормочет шкип в мокрую рацию. От одежды идет пар, мы идем со скоростью ветра и воздух кажется неподвижным.

Швартовка? Ночью? – Нормально, главное, чтоб не в ветер, хотя зыбь с моря добавляет радости. Слева по борту бросают якорь наши попутчики – о, и вправду, наши, регатские. «А что ж на связь не выходили?» – «Да, я один был на вахте, а рация внизу, чтобы не промокла».

Яхты заходят одна за другой. Мы принимаем швартовы, как предписывает морская вежливость: причалил сам – помоги другому. Все экипажи разные, по-разному заходят и швартуются. Вот серый полугоночник, на весь процесс ушло секунд двадцать и пара слов шкипера. Сразу видно, народ к морю привычный и ходят часто. Вот большая белая «Бавария» – курсантская яхта, тот еще грузовик. Народ стоит по местам заметно напряженный, но яхта рулится правильно и швартуется чисто, под негромкое сопровождение одесской речи с палубы – капитан-инструктор при исполнении.

Приняв яхты, иду купаться. Вода +24, после дождя – вообще теплынь. Над головой – рассвет и радуга, под ногами – цветная галька Леонидии, кому расскажешь – скажут: «глюки» – и засмеют.

Первый день специально задуман для неспешной подготовки. Везде проверяют паруса, уже на одной яхте чинят стаксель, на другой пытаются расклинить грот, помяная создателей «Баварии» незлым тихим словом. Курсанты надевали маски-трубки и ныряют, обследуя подводную часть своей яхты, чистят перо руля – однако, все серьезно! К полудню подходит автобус, водила просит «хандрид фифти юро», и вот уже свободные от дел едут в горный монастырь. После воздуха морского – сразу в горный, медовый! Возвращаются впечатленные и с банками меда, пропорциональными впечатлению.

Вечером – открытие регаты. Тут и Маргарита (хозяйка таверны) расщедрилась, и наши всего поназаказывали. Рыба, кальмарчики, шашлыки... «И все-таки, рыбу они готовить не умеют, не-у-ме-ют» – говорит мой сосед и соучастник, уписывая вторую дораду. Расчехляются гитары и идут песни, одна за другой, разные. «Любите, девушки, простых романтиков!!!» – разносится над ночной Леонидией.

День третий: Ветер по морю гуляет

Ура! Дождались ветра. На легкую рябь по воде смотрят и радуются. Отвлеклись от застольных разговоров, в которых уже порвали соперников на ленточки. Забыта досада предыдущего дня, когда этап регаты был отменен из-за штиля. Все готовятся и ждут, когда желтый эскадренный буеносец (судейская яхта) выйдет и обозначит старт. Я смотрю на (су)действие со стороны – из-за легкости старта мне разрешили принять участие в гонке на борту дружественной яхты.

Ветер совсем легкий, колдунчик едва шевелится, и единственный курящий член экипажа бродит по кокпиту, тщетно отыскивая подветренную сторону. Тем не менее ставим грот и ждем старта. Как раз перед стартом ощутимо дуло, достаточно, чтобы набрать скорость. «Только вот фальстартов не надо» – ворчит боцманша. «Как это не надо? У нас фальстарт – традиция» – отвечает шкипер. В отличие от всех на борту (да и на других яхтах), он спокоен как Терминатор.

Дунули, гуднули, пересекли стартовую линию – и пошли, кто – ловить береговой ветерок, кто – мористее. Свободные от вахты приносят кофе. «Да, тяжел парусный спорт!» – говорит шкипер, смакуя ароматный напиток. Посматривая на колдунчики стакселя, он почти ложится, держа руль пальцами ноги. Э-эх, было бы на что смотреть! Ветер опять стих, и мы дрейфуем по инерции. Отпускаются всевозможные оттяжки, после чего шкипер удовлетворенно кивает: «В ветер гоняться всякий умеет, а мы попробуем без ветра!» – и меня отправляют откренивать, делать парусу пузо.

Так и движемся, от порывчика к порывчику. Совсем близко впереди нас – курсантская яхта. С нее доносятся звуки гармоник, кто-то в варварском, наверное, эолийском, строе высвистывает ветер. В перерывах между трелями слышен капитан-инструкторский голос: «Подожди пока... сейчас наберем скорость, тогда крути... Леночка, потрави еще оттяжку гика!» А нам везет: приходящие порывчики ложатся как надо, и мы, почти не шевельнув снастями, ускоряемся. Хотя, сдается мне, у этого везенья есть имя и отчество.

Всё, уже виден финиш, но он прямо под ветром. Становимся «бабочкой», заводим дополнительные снасти, кто-нибудь постоянно отводит угол стакселя. Хмм, швабра в арсенале яхтсмена... Лучше уж крюк, и полегче, и стильнее. Широкий парус норовит хлопнуть, приходится упираться. Позади нас так же расправляют паруса остальные суда регаты, со стороны, наверное, смотрится феерично. Финишируем по-гоночному, в сантиметрах от судейской яхты. М-

да, за эти два часа я узнал о гонках на слабом ветре больше, чем за два последних года, и моя благодарность к приютившей меня команде неизмерима. Но, пора к своим, поработать на финише и вытянуть буй. А те, кто говорят, что меня больше влекли вкусняющие запахи из камбуза, говорят так просто из зависти.

Что вам сказать о Монеувассии? Город на скале, за тысячу лет не вышедший из круга стен, где новые жители живут в старых домах, а вместо улиц – лестницы. Тут центральная улица шириной метра три. Здесь дворы гулкие и тихие, у каждого свой запах: апельсинов, корицы, кошек. Улочки ныряют между домами, под стенами, увитыми лозой, уходят под арочные мосты, ты идешь, уже заблудившись (скажи москвичу, что можно затеряться на квадратном километре – не поверит), карточка в фотоаппарате давно заполнена, а потом, после очередного извива дорожки, вдруг выходишь к подножию стен, к морским воротам. Здесь швартовались триеры, галеасы, флейты, а теперь вот мы. Время здесь несущественно, возраст относителен. Дедушка из местных взбегаёт по стометровой лестнице быстрее меня, а грозный шкипер, по-мальчишески оглянувшись, лезет на забор за гранатами, с виду зелеными, но сладкими (все то же, к вопросу о возрасте).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.